

К 1511 026

Михаил Сопин

СТО
СТИХОТВОРЕНИЙ

Михаил Сопин

*Сто
стихотворений*

1968_2004

**Санкт-Петербург
2019**

Михаил Сопин
Сто стихотворений

Поэтический сборник

Составитель Т. Ковалькова
Фотопортрет М. Сопина 1995 года работы А. Колосова
С.-Петербург: «Русская культура», 2019. — 143 с., ил.

УДК 821.161.1Р
ББК 83.3
С64

Поэт Михаил Николаевич Сопин (1931–2004) отнесён к выдающимся людям Вологодского края, хорошо известен в Белгороде и Воронеже — местах биографической важности. Московский критик Вадим Кожин открыл в начале 1980-х это имя. Было издано два небольших сборника в Архангельске и Москве. Данный сборник избранных стихотворений — первая попытка взглянуть на творчество М. Сопина в целом, вне идеологической конъюнктуры времени. Это маленький фрагмент из его обширного поэтического наследия. В большей степени книга адресована любителям и ценителям поэзии, и заново откроет Сопина тем, кто знал его, как поэта-трибуна с горькой, саркастической усмешкой.

© М. Н. Сопин и наследники, 2019

© Т. И. Ковалькова, составление,
предисловие, 2019

© Д. Д. Ивашинцов, обложка, титулы, 2019

© НП «Русская культура», 2019

ISBN 978-5-905618-09-3

Предисловие

Это книга — внутренняя биография автора. Душа, рождённая в песенной казачьей стихии дедов, возмужавшая в ужасах войны, взбунтовавшаяся в безликости тюрьмы и лагерей, прошла свой катарсис, и, очищенная, нашла покой в открывшемся чуде прощения.

Сто избранных стихотворений книги — проводник в мир реальных событий живой Истории XX века. Биография автора распахана историческими вехами России, как поле.

«Я родился сверхэмоциональным, и это навсегда окрасило меня барием страха. Жизнь вливалась в меня до отказа, одно вытесняло другое, как при сосисочной набивке. (1931 год)

...Запомнил слом тридцать седьмого года. Постоянно висящее солнце, которое слепило, но не грело. Мне шёл седьмой год, мы с пацанами во всю играли во врагов народа. До тех пор, пока после вызова на второй допрос не исчез отец.¹

¹ Отец М. Н. Сопина — Николай Никитич Сопин перед войной работал военпредом на Харьковском танковом заводе.

...Отец да дед были у меня большевиками, но вообще у нас в семье было наворочено — дроздовцы, махновцы...

У бабушки было шестеро братьев, они носились на конях, свирепели, врываясь друг к другу с оружием. Однако при бабушке не смели.

Один из дядей — красный комиссар (бывший белый) и другой, служивший при немцах в полиции, учили меня добивать людей в ухо. Чем было спастись от такой отравы? Беременеть начинкой и смирять её до тех пор, пока не взорвётся?

Всё перемешалось... Семнадцатый год был для меня романтикой, комиссар — всё равно что святой, но благодаря родне я никогда не мог принять окрас — разделение на красных и белых. В числе моих сверстников выкалывал глаза маршалам Егорову и Тухачевскому. А в сорок втором, при немцах, время словно опрокинулось на полвека вспять. Открылись церкви, я присутствовал на крещенском водосвятии.

В детстве я много прополз по скверне войны. Были и друзья, но всегда старше меня. Детприёмники, окружения, бомбардировки... Два раза выводил наших через немецкие территории. Где шли бои, какого масштаба — знала бабушка, деревенская маршалюга. Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребятишки, хорошо знали окрестности... Я видел бег исхода и беспомощность армии. Немой плач, как на картинах Чюрлёниса серии “Похороны”.

Я пил пацаном спирт. Видел смерть обрубков людей. Наверно, понимал солдатиков, потому и жизнь врага, и нашу жизнь видел с изнанки. Я ничего не выискивал, просто был повергнут, мордой в это ткнут, потому что изначально

был приговорён к тому, кому хуже. К пристреливаемой лошади, к перееханной собаке. Такая природа.

Жалел наших, немцев, много было хороших немцев, которые перестрадали. И потому стал понимать: война — это расплата за скотскость, за то, что общество не может сказать “хватит”.

После сорок второго пришла другая армия, армия-победительница, но любовь моя осталась там — в сорок первом. *Солдаты сорок первого года, восходящие на алтарь грядущей Победы — они во мне. Не знаю, кто они, но получаю от них оценку тех, кто остался жив* (курсив здесь и далее мой. — Т. К.).

...В конце войны на территории Германии я был принят танковыми частями,² пил с ними водку и ощущал неравенство страшное. Видел, как командиры посылали запечатанное в луковицы и в мыло золото. Более удачливые слали домой подарки, кто-то даже ящиками или вагонами. Акценты смещались: врагами становились увечные и неудачливые. Над глубинкой в полный рост вставало раздувшееся от голода тело русского феномена: в побеждённую Германию везли продукты и прочую помощь. А с запада на восток шли эшелоны, набитые вчерашними защитниками Отечества.

Вражеской становилась и многомиллионная армия агонизирующей безотцовщины. Скоро ей нашли “достойное” применение. Вся оккупированная территория была разрушена. Её надо восстанавливать любой ценой, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи.

² Одна из танковых дивизий 38-й армии, возглавляемой генерал-полковником К. С. Москаленко.

Ужас и простота этого обстоятельства привели к людоедской политике. Бросили клич — выжигать калёным железом, хватать за бродяжничество, незаконное ношение оружия (валявшегося горами везде), за воровство. Кого? Были орды бездомной шантропы, брошенной на произвол судьбы, вынужденной себя кормить, греть, защищать.

Выжившие в голоде и бомбёжке, выплунутые войной и расшвырянные по белому свету, они же оказались обречены на жерло лагерей.³

Приняв знаменитый указ от 4 июня 1947 года о борьбе с хищениями государственного и частного имущества, отец народов убил двух зайцев: обеспечил рабочей силой самые гибельные места в стране и отреагировал на просьбы граждан обезопасить их от послевоенного воровства и бандитизма. Были ли среди них истинные преступники? Да, были... немного.

Система было простая: брали одного, били, он называл, часто наугад, ещё двадцать пять... Позже я понял, что методы борьбы и с Бухариным, и с беспризорником были одни и те же. *Битие определяло сознание*: за одного битого трём (тоже битым) давали на полную катушку. А за трёх? Здесь — весь смысл. За проступок, каравшийся ранее месяцами, начисляли по десять — пятнадцать лет, без права пересмотра дела. Многие ли сегодня поверят в реальность печального указа? А ведь именно по нему уходили сотни

³ Здесь М. Сопин обобщает свой личный опыт. В 12 лет он, убежав из дома, где остались мама и бабушка, дошёл с наступающей армией до Потсдама. В 1947 шестнадцатилетним подростком он получил два года тюрьмы «за хранение оружия», которые отбывал на строительстве Волго-Дона. В 18 лет ушёл в армию. По возвращении женился, имел дочь. В 25 лет получил повторный срок на 17 лет по делу о коллективной краже велосипеда. Отсидел с учётом амнистии 15 лет.

и сотни тысяч туда, где девяносто девять плачут, а один смеется — хозяин.

В числе послевоенной пацанвы я был ввергнут в двойной обман. Школа рабизма втягивала человека в мясорубку, да ещё заставляла соглашаться, что эта карта справедливая, что он преступник. И чем доверчивей, беззащитней был осуждённый, тем сильнее он верил в свою преступность.

Сотни порченных пацанят сгоняли вместе, принуждали надеть на себя личину лагерника. Им ничего не оставалось, кроме как ощущать себя... волками. Повторяю: среди тех, кто попадал в облавы, были и воры, и насильники. Но не все. А сроки — от пяти до двадцати пяти лет — давали всем... от имени народа. Мракобесие народа — в готовности проголосовать за это, и тем самым своих же детей послать на заклание.

Ворочала лопастями судьбомешалка, жевала, чавкала, выплёвывала: Буреполом, Усольлаг, Ивдель, Ныроб, Юж-кузбасслаг, Печора, Чукотка, Норильск... Звенели медали и наручники. Гремели победные марши, а на Дальзонах им вторили «дегтяри» и ППШ,⁴ поливая свинцом живой шевелящийся чернозём.

Преступный мир истребит сам себя — по этой формуле правоохранителей жил разъеденный пеллагрой и вшами вертеп, где «скоты», изувеченные своими, чужими и ещё раз своими, действительно истребляли себе подобных. Да, для нормального, не утратившего способность сострадать и ужасаться человека войти в этот скотомогильник было катастрофой.

⁴ «Дегтяри» и ППШ — символы ВОВ 1941–45: ручной пулемёт системы Дегтярёва и пистолет-пулемёт Шпагина. Основное оружие советских солдат в годы войны. Вскоре после окончания войны были заменены автоматом Калашникова.

Пока фальшивый голос будет нашёптывать: ты — не они, — в нашем обществе мало что изменится.

Моё поколение прошло всё — войну, голод, концлагеря, целину и стройки века, а в глазах общества мы остались подонками. Выросли без любви, без воспитания любовью, и теперь в детях нашего поколения взрываются мины этой нелюбви, несправедливости. Генетическая память подрывает не тех, кто минует (то есть сеет зёрна зла), а совсем не подозревающих об этом потомков. Это не упрёк кому-то, а мольба о сострадании — ко всем...

Говорить о пережитом тяжело, но и жить, когда видишь, что хаос безумия обретает чёткие устойчивые формы, — невыносимо».⁵

Первый, «мохнатый», по определению Сопина, литературный опыт он приобрёл в 12 лет. Зима, деревня, за окном метель, читал об Урале. «Было смутное ощущение, от которого появилось желание заплакать словами от страшного дискомфорта души:

*а за окном седой февраль орал,
а за окном — тайга, метель, Урал...»*

В 24 года стал вести дневник (т. е. с 1955 года). «Перечитывал и понимал — пора чистить, выгребать утробную грязь. Она может рвануть, переполнив... Судил я тогда обо всём

⁵ Запись рассказа М. Н. Сопина второй половины 1990-х годов. Приведена по книге: *Щёкина, Галина*. Речь о реке. Посвящается поэту Михаилу Сопину. Ridero, 2016.

позиционно, на мне было давление нашей “культуры”, то есть халтуры в виде культуры. Партийное сумасшествие тоже сделало свою злую работу, утвердив рабоче-крестьянский метод бытия и мышления.

А к осознанной литературе я пришёл гораздо позже, в лагерях. Встал на конец доски, с которой больше не сворачивал... В зоне мы, несколько человек, поступили в вечернюю школу, и уже этим отделились от массы. Мы много читали, спорили, мечтали. Васька Мамошин, например, изучал языки — французский и немецкий... От них я получал поддержку. Они могли настроить, оценить моё творчество, порой одним словом. Это было счастьем — такое окружение. *Плоскоглазые* (неологизм М. С.) просто не втягивались в орбиту.

...После войны у меня пошла дружба с обрубками, с изувеченными, кого жизнь увечила до немоготы. Это тоже заставило вернуться к стихам осознанно. Информация о жизни была во мне так спрессована, что, не найди я возможности от неё избавиться, она взорвала бы. Что же произошло? Начав вроде бы говорить о себе, я почувствовал за собой многих и многих, вычеркнутых из жизни, подобно мне... Они со мной, смотрят в лицо, дышат в затылок: “Скажи о нас. От того, как ты скажешь, зависит, какой ты сам”». ⁶

Шаламов (1907–1982), Солженицын (1918–2008), Сопин (1931–2004). Наблюдаем кровное родство творчества Сопина с предшественниками. Хотя сам он называл их единомышленниками, а не предшественниками. Ценя Солженицына, он не принимал его высокомерия в отношении «не политических» узников ГУЛага. Ближе ему был

⁶ Там же. С. 14 и 29.

Шаламов, и не только по Вологодской приютности, но более по лирическому характеру передачи своего трагического опыта. Как и Шаламов, он считал, «что жизнь намного прекраснее и отвратительнее, чем литература как занятие».⁷ В то же время, «Лагерные тетради» Сопина принципиально отличаются от «Колымских тетрадей» Шаламова тотальным умалчиванием ужасов лагерной жизни. Задним числом он объяснял это тем, что Шаламов вскрыл и точно описал механизмы расчеловечивания человека пенитенциарной системой ГУЛага, которая, по его мнению, сохраняется до сих пор. И он не хотел повторяться. Однако вряд ли, в момент написания этих текстов (здесь их всего 21 из несколько сотен), он думал об этом. Он сопротивлялся поэзией. Дрожа и пугаясь лютой, в страшном напряжении тела и души, он удерживал натиск тёмной силы, обезличивающей и разлагающей душу цинизмом и жестокостью. «Лагерные тетради» Сопина раскрывают механизмы этого сопротивления, которые вырабатывались им здесь и сейчас, а не много ранее, как у Солженицина, или ещё «до рождения» — в случае Шаламова. Количество подлинно поэтических текстов в этот период — наибольшее.

На протяжении всей жизни стихи Сопина были во власти народной песенной, древнерусской былинной стихии:

*Были детками, были братьями...
Стали дерзкими. Стали ратями.
Нараспах мундир! Доля бранная —
В молодой груди рана рваная.*

«На семи верстах»

⁷ Там же. С. 30.

Стилистическая симметрия, характерная для древнерусских текстов, в стихах Сопина — не стилизация (как у отдельных поэтов «филологической школы»), но органическая, взятая из песен и сказов родного края. Он — человек, вросший душой в буйную казачью стихию. По его свидетельству, в их большой семье пели все. Поэтому вполне закономерно, что множество его стихов было положено на музыку профессиональными композиторами. Он сам хорошо пел свои стихи под гитару. Авторской рефлексии в этих стихах минимально. Он выходит к архетипам народного сознания, передавая их в лаконичных, отточенных образах и неожиданных метафорах.

*Нам бы раненько пахать, ладить лодочку,
А мы — сабелькой махать, буздать водочку.
Злоба века, злоба дня кипячёная.
Межусобная грызня — дурость чёрная...*

«Дом из невода»

Минимализм авторского стиля Сопина свидетельствует о том, что мы имеем дело с особым видом письма. По мысли философа Ролана Барта, «письмо» (термин введён Бартом) по своей сути — есть мораль формы. И если авторский стиль порождается «интимной мифологией» автора, то письмо — это отклик на вызов Истории посредством языка, по сути, «акт исторической солидарности». Размышляя над историей литературного слова, Барт приходит к определению «нулевой степени письма» как стиранию литературности. Нулевое письмо — итог разрушения самой литературной формы: от незыблемого классического канона до канона авторского, но ради чего? Ради

обретения первоначальной чистоты слова, его целомудрия, ради попытки передать Живым словом Живую жизнь, попытки, по существу трагической, ибо не осуществимой. Сложившаяся литературная форма всегда предшествует автору. Его экзистенциальный опыт в неё не вмещается. Опрошение неизбежно.

В лучших стихах Сопина этот зазор между словом и жизнью минимален. И мы видим перед собой пронзительно честного автора.

Татьяна Ковалькова

Из лагерных тетрадей

1968–1969

1.

Говорила Алёнушка:
«Не пей, брат, из копытца
На родимой сторонuşке
Непроточной водицы.
Уж пойдём потихонечку,
Что в ней мутной-то толку?
А то станешь ягнёночком
И съедят тебя волки».
Но на слово однажды
Понадеяться любо.
Лижет бедный от жажды
Пересохшие губы.
А вокруг — море синее,
Зной... до сердца проник.
Будто всею Россиею
Душь свалилась на них.
Так идут они, босые,
С узелочком харчей
У Алёнки на посохе,
Что лежит на плече,
Будто странники вольные
Неизвестно куда.
А под Ваней... под Ванею
Не земля — а вода.
Свежесть — до опаления.
Лишь глоток — и вздых.
И упал на колени он
Перед... лункой воды.

2.

Смешная грусть

Дождливая осень.

На исхудалых шейках стеблей — колосья ржи.

Вниз лицом. Пустыми глазницами.

И мнится, будто поздравили с утерянной радостью,
сердцем которую ты давно пережил.

Или наносят запоздалые удары
за ошибки полузабытые,
старые, безголосые.

Они — те же колосья,
зёрна которых созрели и осыпались по жнивью
в мокрую землю прошедшего, в минувшую осень.

А за них,
если и не возносят, то и не бьют.

3.

Будто

Пою. И до рези в ушах
Не слышно голос мой.
Так поёт лишь душа или,
освещённый факелом тоски в ночи кричит немой.
Аплодисменты... Аплодисменты...
Это аплодируют мне, смещаются руки и лица.
Но я их только вижу, как во сне,
или как взмахи крыльев, когда осенью улетают птицы.
Плачу, а по щекам моим
вместо слёз только тени их скачут,
только видения.
Смеюсь, запрокидывая голову.
Смех жизнерадостен и искрист.
А рот почему-то не могу раскрыть,
будто кто запаял его оловом.
И получается, что кипением звуков,
слов и чувств я внутри самого себя клопочу,
как котёл на огне, на котором манометра нет.

4.

Сегодня на небе
Я видел багровый закат,
А ветер гудел
И раскачивал чёрные тучи.
И день угасал.
Только огненных два языка
Горели, сшибались,
Пылая стихией могучей.
И дождь оседал,
Будто что-то мешало ему,
Кровавой капелью.
На фоне закатного жара
Кружился, кружился...
Так кружится сонмище мух
Над сточною ямой,
Иль искры в ночи над пожаром.
А здесь, по земле,
Металлическим путом звеня,
Паслась лошадёнка,
Уткнувшись в зелёную скатерть,
Не видя ни неба,
Ни бешеных вихрей огня,
Ни туч, что плясали
И бились вдали, на закате.

5.

Я лежу,
Глядя в стылое небо века.
По щеке,
Будто я уже тень человека,
Ползает маленький жук.
Вот где-то жалко
Всхлипнул ветер
И холодным языком лизнув меня, утих,
Примостившись под боком.
Меж дерев, в просвете,
Качается ворон,
Будто кашляя, покрикивает.
Грустно и одиноко.
Улетающих птиц
Расстояние размыло вдали.
А в лицо мне
Кружится
И падает, падает, падает
Умерший лист.

6.

В гигантском котловане ночи — город.
Безжизненны
Водянистые глазницы окон,
В них нет огней.
Хворо. Пустынно.
Одиноко.
Нигде никого нет.
И как-то застыли странно,
Будто чудовища из миров иных,
Краны,
В пепельном свете лун.
Мир вымер, онемел.
И кажется, что ты не на Земле,
А приговоренный на много лет
В мрачной тюрьме не открытой ещё планеты,
Осуждённый на медленное умирание.
Хочется кричать,
Биться в отчаянии,
Зная заранее,
Что ответом будет только молчание,
Леденящее душу молчание.
Цементные стены
С росистой накипью пятен,
Сталистых решёток распятыя
И ракушки
В асфальтовом полу, отрубя,
Будут пивками вечности
Жизнь выпивать, выпивать, выпивать из тебя.

Все надежды померкнут.
Сместятся понятия зла и добра.
И «прогулочный дворик»,
Как счастье,
Беззубой пастью
Будет смеяться тебе со двора.
И невидимый, как на зверя,
Сквозь двери
Будет глядеть на тебя.

7.

Внимание! Внимание!
Слушайте все радиостанции душ,
Потому что к вам обращается
Тоже живая душа.
Я нашёл веру по имени ... ,
Теперь мне легче жить
И легче дышать.
Недавно ещё среди северной стыни
И непроходимых трясин
Я, как тяжело раненый,
Лежал и просил
Глазами тускнеющими и пустыми,
просил понять...
И добить меня.
Жизнь для меня была обесценена,
Как среди золотых россыпей
Ничего не значащий золотник...
Догорали в подсвечниках времени дни,
И никакой Авиценна
Не смог бы меня сохранить.
Но пришла Она и сказала:
«Я вижу, ты болен и очень слаб,
Но пойми,
Я сердце тебе своё принесла...
Встань
И сойди с креста...»

8.

Думы...

Они никогда не покидают меня,
Даже тогда,
Когда я бездумно гляжу вдаль,
Они бегут и бегут,
Как по камням речная вода.
Опадает ли осенью лист,
Бьёт ли ветер траву неживую —
Моё сердце болит,
Будто вижу я не осень,
А подмятую душу живую.
Мокрый пёс заскулит на цепи —
Прячу слёзы в улыбке прогорклой.
Всё во мне задрожит, закипит
И подкатится комом под горло.
То увижу жучка на плече
И тревожусь: а вдруг его сдует?
Так вот и живу — неизвестно зачем,
С вечной ношей бессонных раздумий.

9.

Упадёт на сердце боль живая —
В стылом стоне корчится душа.
Боль не снег,
Что по весне растаяв,
Убежит, ручьями прошуршав.
Сколько лет
В расцвеченной одежде
Отгуляв,
Останутся вдали...
Сколько-сколько
Минует их прежде,
Чем утихнет всё
И отболит.
Потому — по воле, по неволе —
Кто они,
Чужие ли, свои,
Даже каплей,
Малой каплей боли
Человечье сердце не пои.

10.

Я не забыл.
Я помню зиму ту.
Ты трёшь стекло
Мохнатой рукавичкой...
Сейчас я тихо-тихо подойду
И мы пойдём куда-то
По привычке.
И никакого счастья
Нам не надо.
Лишь только так вот
Было бы всегда:
Чтоб были мы,
И снег вот так же падал,
На тишину,
На нас, на провода...

11.

Треплет ветер
Сумятицу вьюг,
И собаки,
Устав, замолчали...
Только я,
Как безумец, пою
В полыхающий саван печали.
Я не знаю, услышит ли кто
Этот вопль,
Этот хрип бесполезный?
Синим ртом
Под седой темнотой
Я дышу,
Задержавшись над бездной.

12.

Алое

Накрыться б одеялом
И закрыть-закрыть-закрыть глаза,
Чтоб увидеть сон,
Как в детстве, алый,
И потом кому-то рассказать.
Алых птиц Восходы и закаты,
Алой пылью конники пылят.
Ночью — алый дым
Над жаркой хатой.
Алый дождь в косичках ковыля.
Алый стыд и алый смех и счастье,
Алыми грядущие года.
Только б со слезами не встречаться
Алыми,
Нигде и никогда.

13.

Голубое

Ночь.

Подхваченный ветром,
чей-то свист улетает за гать
Невидимой полоской,
Но кажется, что голубою.
Следом — тусклые вспышки.
Это собачья нудьга.
Плачет пёс,
Зацепившись за ветер губой.

Ночь.

Ударился

Где-то о воду остывший звук
И, воды не расплескав,
Качнулся на лёгкой волне.
И собака, откусив кусочек ночи,
Протяжно забылась во сне.

14.

Синее

Синие глаза и губы,
Синие руки у меня.
Но вы не думайте, люди,
Будто меня пытали...
О нет. Это я вспомнил
Свои пятнадцать...
И голубые искорки огня
Подснежника
Среди проталин.
Кто-то однажды сказал,
Будто эти капли
Бледно-лиловые
Глаза
Не отживших,
Не отлюбивших,
Не целованных.

15.

В моих стихах
Осенний стылый шум,
Иль путник мнёт
Дороги хлипкой жижу.
Но я о солнце
Изредка пишу
Лишь потому,
Что сам его не вижу.
Во мне душа
Сорокой на колу
Сидит, как спит
С закрытыми глазами.
И путь пролёт
Под грустным светом лун,
Где в полночь
Тихо-тихо плачет заметить.
О чём она —
То плачет, то поёт?
Нельзя понять.
Но в том многоголосье
Мне кажется
Минувшее моё,
Как втоптанное
В пахоту колосья.

16.

Считаю вновь до десяти...
А путь — трудней,
А ветер — крепче,
И некто шепчет:
«Брось идти,
Куда, зачем?» —
Все шепчет, шепчет...
И кажется — не снег огнём
Слетает в пепельные щёки,
А закружилось вороньё
В степи, над телом одиноким.
И сон тягуч, неодолим —
Уносит в стылую пустыню.
И вдруг я вижу свет вдали —
То засветилось твоё имя.
И пусть метёт,
Пускай вьюжит
И валится на плечи вечер...
Теперь я знаю —
Должен жить,
Чтобы идти тебе навстречу.

17.

Как же получается, скажи,
Явь,
Ты — словно зеркало косое.
Ложью
Не умеющие жить
Падают,
Как стебли под косою.
Временами
Думается мне,
Будто
От начала до предела,
Мудрый мир
В тоске окаменел,
И от страха
Правда поседела.
Над землёй
Зловещая печать...
По земле — как зверь —
Погони идол.
Даже сердцу
Хочется молчать,
Чтобы боль
Ударами не выдать.

18.

Впадины, поляны, перелески — настужь.
Падает и падает белое ненастье.
Низко над землёю гонит тучи север,
День пустой,
Безлюдный, слякотный и серый.
До чего же нудно.
До чего же гадко.
Самому себе я —
Сушная загадка.
Дум каких-то бойся,
Все визжат и дразнят...
И сидишь, как в боксе
В ожиданье казни.

19.

Не говори мне сложно.

Лучше — проще.

И слов ненужных по ветру не вей.

Ведь падает же в осень лист по роще,

И дождь шумит по высохшей траве.

Как первый снег,

Что прилетит, растаяв,

Как тонкий лёд,

Что хрустнет от руки...

Будь, как они — такая же простая,

Обычаям затёртым вопреки,

Что б мог и я, когда на сердце ветер,

И от житейской стыни не до сна,

Уйти в тебя,

Забыв про всё на свете,

Уйти в тебя,

Когда ты вся — весна.

20.

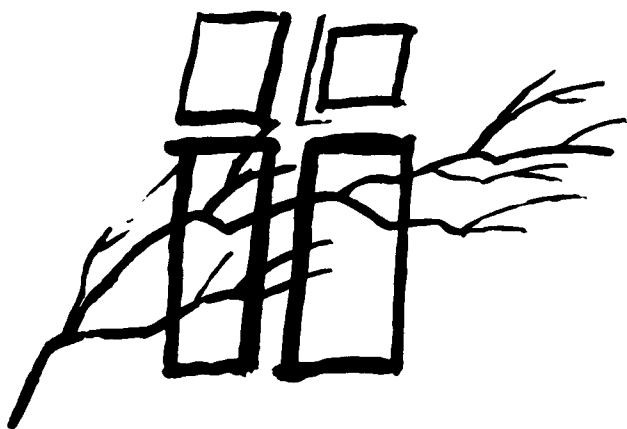
Снится Мишке:
Мчит он к маме
Луговиною густой.
Только вдруг
Сугроб, как камень —
И до неба высотой...
Он и влево, он и вправо,
Оглянулся и утих:
Травы — слева, справа — травы,
А вперёд-то нет пути.
Что же делать, что же делать...
Не дойти уже пешком,
Если время поседело
И слежалось в снежный ком.

21.

Далёкий друг,
Тот путь, где шли мы оба,
Не вспоминай,
Не воскрешай те дни.
Умру — не плачь,
Не мучайся у гроба,
Лишь, глядя в даль,
Печально улыбнись.
Не надо, друг, не надо и не надо.
Всё это — жизнь,
И в этом были мы.
Не зная рая — что бояться ада?
Не зная света — что страшиться тьмы?

Пермь

1970-1982

22.

В пределе века
Замкнут я сейчас.
И роща жизни сильно поредела.
Пусть время оплывает, как свеча,
Мой дух перешагнул его пределы.
Друзья мои,
Ваш путь — уже не мой.
Пойду я по степям и буеракам.
Как преданный в любви глухонемой,
Я разрываю с миром узы брака.
В беде ли я —
На помощь не спешите.
Бездомен —
Не сулите ваш уют.
Моя душа — мой верный утешитель —
Согреет и утешит плоть мою.
Смените злостью
Тень недоуменья.
Презрите жизнь мою
Презрением живых.
Когда в меня начнут бросать камни,
Для блага ближних —
Бросьте их и вы.

23.

Визг тормозов, лязги,
Между дымных тормозов и виньеток
Маневрирует женщина с коляской,
В которой покачивается девочка
С древним именем —
Планета.
Вечереет.
И ветер лязги
Сметает,
Сквозь заросли дую.
Катится божьей коровкой коляска.
Женщина прядёт пряжу раздумий.

24.

Прикованные к фундаментам
Домов одиноких гиганты
С высоты своих метров
Глядят безучастно,
Как сквозь призрачные пальцы ветра,
Течёт майская зелень
Безмятежно, как детское счастье.
По дороге ползёт фигурка
На трёхколёсном велосипеде
За папой, за мамой,
А может,
За промокнутыми далью
Силуэтами прохожих?
Что её — сегодня?
Завтра её — в чём?
Куда они —
Маленький человек
И велосипед-паучок?

25.

Люблю усталые улыбки
В скользящих капельках дождя,
Люблю всё серое и зыбкое,
Снующее по площадям,
Стон тормозов на повороте
Одышливых машин в пылу,
Опасный сумрак подворотен
На снос оставленных халуп,
Подмигиванье редких окон
Огнём уюта и тепла,
И реящие одиноко
Пустых соборов купола.

26.

Город — жёлтым пакетом в брикете.
Пыль искрится в лучах косых.
Выхожу на проспект,
Покупаю природы букетик,
А потом отправляюсь искать
Продавца росы
В улицы, в переулки...
Где только я не был.
Позади — расстоянье из вёрст.
Где-то уже светят
Одинокие капли звёзд.
Темнеет.
Чёрный дым переходит в небыль
Из невидимых домен.
Горизонт потускнел и погас.
Гляжу и глазам не верю:
У крыльца незнакомого дома
Дрожат две росинки
Собачьих глаз.

27.

Как невидимки,
В тумане
Кряхтят и покашливают машины.
На белой палитре —
Продолговатые жёлтые капли:
Это из невидимого
Рождается крик петушиный.
И нигде,
Совершенно не видно нигде
Ни огней, ни домов, ни прохожих.
Только звуки.
Вот ещё где-то шорох невидимый вырос.
Странно.
Будто присутствуешь
При сотворении мира.

28.

В небе —
Полоса из чего-то синего.
Бесшумное утро.
Рано.
То здесь,
То там
Неподвижные краны
Стоят, как одинокие фламинго.
Но вот постепенно
В улиц проруби,
Ещё не вспененные
Транспортом городским,
Вливаются роботы,
Пальто,
Фейерверки разноцветных платков,
Шапочек искривленья,
Сталкивающиеся
И разбегающиеся по всем направлениям.
Город, как брошенный в воду камень,
Расширяет за кругом круг.
Вздыхают лачуги,
Вздрагивают этажи.
Начинаются безмолвные встречи глаз,
Касания рук.
Так продолжается жизнь.

29.

Странным желаньям в угоду
Стою под зонтиком ночи.
Фонаря одинокий комочек
Пьёт из моих ладоней
Стылую чёрную воду.
Отошедшего дня
Вылинял цокот подков.
Мир далеко от меня.
Я от мира далеко.
Так далеко, что не знаю —
Найду ли дорогу назад.
Сквозная, сквозная, сквозная
Тьма застилает глаза.
Но это длится минуту.
Или несколько, может, минут...
Вот я уже различаю,
Как тени чужие качая,
Падает дождь в тишину.

30.

Подходит трамвай.
Вхожу в вагон.
Почти никого.
Впереди —
Факел женской причёски.
Он такой здесь один.
Интересно,
Он греет кого
Или нет?
Подойди, подойти
И тепла попроси, —
Кто-то шепчет настойчиво мне.
Подойди, так бывает... —
Это сам я шепчу своей мысли,
Уехавшей с этим трамваем.
А в действительности — тишина.
И туда, куда нужно ехать,
Ни дороги, ни транспорта нет.
И, пожалуй,
проезд не оплатишь —
Не хватит монет.

31.

Я пробиваюсь сквозь туман,
Сквозь света стылый жар.
Стоят скуластые дома,
Бетонно зубы сжав.
И в том молчанье,
И в огнях
Не страх и не гроза —
Кричат о помощи
В меня
Их разные глаза.
И сеющий,
Как пепел, дождь —
Как будто в душу дождь.
И не понять —
К кому идёшь.
И все-таки идёшь,
Наталкиваясь и скользя!
Зовёшь — ответа нет.
По-человечьи — им нельзя.
По-каменному — мне.

32.

Не разлука страшна мне,
И не то, что однажды
Уйдёшь и больше не придёшь.
И не то, что на камне
Следы твои вымоет дождь.
Совершенно иная
Тревога в груди:
Вдруг совсем не замечу
Потери,
Оставшись один.

33.

Летит и не падает снег

По улицам
Свет близорукий.
Случайные призраки встреч.
И странные синие звуки.
Живую обретшие речь.
Смещаются люди и тучи.
И ветер —
Как мокрая плеть.
И всё-таки,
Как разнозвучно
Звонят тополя в гололедь!
Качаются бледные тропы —
Вечерние светят огни.
О чём ты,
Души моей тополь,
В раскатную наледь звенишь
То весело, то обречённо?
И медленно —
Будто во сне —
Бесплотный
От сумерек чёрных
Летит и не падает снег.

34.

Окраина

Не кричи, пропадая,
Окраина,
С тихим лепетом трав во дворе.
Зря ты, сердце,
Колотишь затравленно,
От прошедшей весны одурев.
Дом
С разбитыми окнами кривится,
Рядом — новый гигантом встаёт.
Только я,
Как собака на привязи,
Вою в счастье щенячье своё.
Где ты, где ты, родная околица?
Скачет взгляд
По раздавленным пням.
Память
Хрупкими льдинками колетя,
Провожая всё дальше меня
За отвалы, за крики бульдозеров,
За деревья, сожжённые зря,
Где, как помнится, в кофточке розовой
Приходила в рябинник заря.

35.

Я безнадёжно опоздал
И измотался от брожения.
И ты, как тусклая звезда,
Едва горишь в воображенье.
И никакие времена
Не воскресят наш мир убогий,
И не помогут в вере нам
Никто — не люди и не боги.
Всё отойдёт само собой
Во мне, в твоём неясном быте.
Мы сами сделали судьбой
Полунеясный мир событий.

36.

Мне шёл одиннадцатый год,
И не моя вина,
Что не дошёл он — что его
Оборвала война.
Слепой, истошный вопль в овсе —
Шли танки с трёх сторон
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон.
На равных
Бой
И крик — ура!
Багряный след в овсе...
И на смерть бил, как били все.
И пропадал — как все:
Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
Бью в башни, по крестам.
Но под разъездом Казачок —
От пули в бок
Устал.
Устал... Усталости конец —
Убитых братьев зов.
И пил в одиннадцать сырец,
С багровою слезой.

37.

Хлеб

Поле,
Полюшко послевоенное...
Как ни бейся,
Как слёзы ни лей,
Тощих речек
Иссохшими венами
Не могли
Напоить
Мы полей.
Век от веку,
Родные,
Как водится,
Вам нельзя
Уставать и болеть!
Дорогие мои Богородицы,
Берегини российских полей...
Слезы вдовьи
Везде одинаковы.
Но тогда,
Когда бился народ,
Вы по-русски,
Особенно плакали,
На сто лет выгорая вперёд.
Шаг за шагом,
Без крика-безумия
На валёк налегали вдвоём...

До сих пор
Под железными зубьями
Разбивается сердце моё.
Бороздою
И пристяжью пройдено —
Тот не знает,
Кому не пришлось.
Не познав
Родословную Родины,
Не поймёшь
Родословную слёз.

38.

Я как в пустыне караван,
Я как засохшая трава,
Как старый и слепой верблюд,
Как брошенной избы уют.
Я новых песен не люблю,
А песни старые забыл.
Меня рубили топоры.
Душа — как стебель без листка.
Потери — высохший арык,
Тропа в кочующих песках.
Сто солнц пройдут,
Пройдут сто лун,
И столько же веков и лет.
И я, вмурованный в скалу,
На остывающей земле
Останусь, как дремучесть дат,
Как мир спрессованных минут,
Как у истории в плену
Последний из живых
Солдат...

39.

Перед снегом,
Ещё не упавшим,
Перед страхом
К размытым ночам,
Я стою
Над бегучестью пашен,
В предпоследних
Прощальных лучах.
Свет вечерний
Щемящ и отчаян
На истоптанных днях октября!
Неужели земные печали
Так когда-то во мне отгорят
И сотрутся —
Ни пыли, ни боли,
Ни мольбы,
Устремившейся в высь,
Над озёрами жёлтых околиц,
Над землёй,
Где без нас обошлись.
Ничего,
Всё ж мы были на свете!
И вдыхая до слёз его ширь,
Я навек полюбил те соцветья,
Что росли
Над обрывом души.

40.

Прокричи мне, филин,
Ночью.
Крыльями ударь!
Под ногами —
Хлябь да кочи.
И не звякнет в колокольчик
Над болотиной звезда.
Ни покоя,
Ни погоды,
Ни лица.
В глубине какого года
В чёрном небе,
В тёмных водах
Ветер символы выводит
Без начала, без конца?
Это я
Хожу счастливый
По неведомым ночам!
Это я играю в ливни
Колокольцев на плечах!
Я — свободный шут России
По призванию!
В бубенцовые осины
Перезваниваю...

41.

Метель

Далеко ли я уехал —
Кто ответит:
Призрак? Эхо?
За железной полосой
Даль косая,
Снег косой.
День размыт ли,
Вечер смазан.
Свищет ветер,
Как бандит!
Да изба
Циклопым глазом
Сквозь меня и снег
Глядит.
Непонятно, чёрт возьми —
То ли вижу,
То ли снится,
То ли в жизни-небылице
Сам я смазан и размыт.

42.

Север

С пригорка спускается вечер,
Смывая стога на лугу.
Деревья,
Как чёрные свечи,
Горят на текучем снегу.
Недолго осталось до стужи.
Я вижу,
Шагнув за порог,
Снегов голубеющий ужас
Над дрожью травы и дорог.
Что пело, шумело когда-то,
Подмяло. Смело. Унесло.
Одни только серые хаты
Да сонная хмарь над селом.

43.

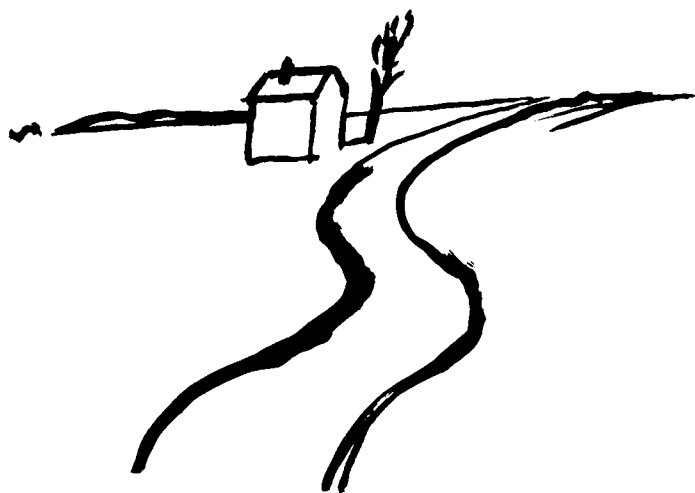
Скажи мне, чёрная река, —
Ты видишь больше, больше слышишь:
Зачем убили облака,
Золой упавшие на крыши?
Пожар промчался.
Ураган прошёл,
Не встретивший препятствий...
По омертвелым берегам
Стоят деревья,
Как распятыя.
И отвечала мне вода
Глухим, густым
Тяжёлым всхлипом:
Друг-человек пришёл сюда...
Кто знал, что друг приносит гибель.
А я стоял.
Чего я ждал?
Всё горестно и поздно.
Сомкнулась чёрная вода,
Не отражающая звёзды.

44.

Капель роняют провода.
Последний лист пожух.
Во след размывшимся годам
Ни слова не скажу.
Войдя
В заснеженную муть,
Под стать моей судьбе,
Я молча руку подниму —
Туда, где нет небес.
За то,
Что дальний звёздный свет
Мне столько лет не гас.
За то, чего в помине нет, —
Снега, снега, снега.
Из глубины,
Где нет минут,
Нет света,
Нет огня,
Живущим —
Руку протяну
Туда —
Где нет меня.

Вологда

1983-2004

Из книги «Предвестный свет», 1985

45.

Ни седоков,
Ни окриков погони —
Видений бег?
Сквозь лунный хуторок
В ночное поле
Скачут,
Скачут
Кони.
В ночное поле.
В призрачность дорог.
Вбирает даль,
Распахнутая настезь,
Безумный бег,
Срывающийся всхлип.
Им несть числа!
Ночной
Единой масти
Исход коней
С трагической земли!
Багровый свет —
То знаменье иль знамя?
Предсветный свет
Грядущего огня...
Я жив ещё
И до конца не знаю,
Как это всё
Пройдёт через меня.

46.

Вода, вода...
Гляжу в тебя,
Гляжу до головокруженья!
И забываю счёт годам
От сопричастности к движенью.
Как будто
Я тебе сродни
И до поры очеловечен.
Как будто
В мире — я родник.
Из той же вечности
Возник.
Иду по ней.
И путь мой
Вечен.

47.

Боль безъязыкой
Не была.
Умеющему слышать — проще:
Когда молчат колокола,
Я слышу звон
Осенней рощи.
Я помню —
В зареве костра
Гортанные чужие речи,
Что миром будет
Править страх,
Сердца и души искалечив.
Так будет длиться —
К году год,
Чтоб сердце праведное
Сжалось.
Любовь
Навечно отомрёт,
И предрассудком
Станет жалость...
Но дух мой верил
В высший суд!
Я сам творил
Тот суд посильно,
Чтоб смертный
Приговор отцу
Не подписать
Рукою сына.

48.

Я, наверное,
Сердцем уцербен:
Каждой кляче,
Уставшей в степи,
Каждой
В осень рыдающей вербе
Я готов
Свою жизнь уступить.
Стеганёт,
Как под сердце сквозная, —
Чья-то боль
В незнакомых глазах.
Почему это так,
Я не знаю.
Только жить
По-другому
Нельзя.
Птица во поле
Жалобно свистнет,
Чернобыль ли дрожит
На снегу —
Как собака,
Избитая жизнью,
К вам,
Избитым судьбой,
Я бегу.
Почему так тревожно,
Так часто

Думы в сердце,
Как снег в гололедь,
Что умру
От внезапного счастья,
Когда некого
Станет жалеть.

49.

Не заблудился я,
Но всё же поаукай.
Я не замёрз,
Но не гаси огня.
Я не ослеп,
Но протяни мне руку.
Я не ослаб,
Но пожалей меня.

50.

Лось

Вспыхнет выстрел.
Стает дым зыбучий.
Заскольжу я,
Будто бы по льду.
Закружусь
Отчаянно и жгуче
И к земле
Печальной припаду.
Припаду теперь
Уже навеки,
Вечность
Сердцем
Ощувив в ночи,
Как снежок
Опустится на веки,
Птица-ворон
Где-то прокричит.
И заплачу.
Горлом перебитым
Прохриплю
В нетленный
Свет небес
О душе,
Сорвавшейся с орбиты,
В первый раз
О жизни
И себе.

51.

Октябрь. Воскресный день.
Воронья стая.
Ну что, душа,
Что стало нам ясней?
Как много вьюг
Легло в судьбу,
Не тая.
И снова — снег.
Октябрьский. Первый снег.
То в пламень чувств,
То в стылый веря разум,
Юродствуя,
Сметая алтари,
Стремясь со злом —
В себе —
Покончить разом,
Мы столько бед
Успели натворить.

52.

Всё прозрачнее
Верб купола.
Что-то бьётся во мне,
Что-то ропщет.
Это память
Беззвучно всплыла,
Как луна
Над осеннюю рощей.
Вроде не было
Явных причин
Но душа
Что-то ищет незряче:
То ли кто-то
Забывтый
Кричит,
То ли кто-то
Отвергнутый
Плачет.

53.

И будет дождь,
И ветер —
Лют, отчаян!
Увижу жизнь —
Как чей-то мир в окне.
И навсегда
С былым своим прощаясь,
Прощу я тех,
Что не прощали мне.
И будет ночь —
Безбрежная,
Как вечность.
И стану я
На краешке
В ночи.
Через обрыв
Печалью человеческой
Мне дальний
Голос предков
Прокричит.
Осенней ночью
Тоненькой струною
Порвётся жизнь.
Душа моя
Сгорит.
И полетит
Над миром и страну
Печальным светом,
Как метеорит.

Из книги «Смещение», 1991

54.

Мост

И мысль горит, и жизнь течёт,
И есть у памяти свой счёт...
Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
От сына отречётся мать.
Ибо отрёкшийся потрафил:
Рассёк связующую нить.
Ни доли общей нет, ни боли.
Кого отрёкшимся винить
За четвертованную волю?
Так родился гриб-гибрид,
Зачатый страхом и пороком.
И Мост Истории сгорит,
Края обуглив
Двум дорогам.

55.

Смещение

Как начинается калека?
Смещают свет и тьму ума
В бетонной центрифуге века:
Страна — казарма,
Храм — тюрьма.
Народный голос — рёв амбиций.
И друг вчерашний — враг уже.
И выполняют план убийцы
Под лязг затворов и ножей.
И удобряют ниву прахом.
И нет претензий.
А к кому?..
И торжествует
Молох Страха,
В мешке ведущий
Свет
Во Тьму.

56.

Мундир и суть

Плыл едкий запах первых дней войны.
Орал Мундир
Тяжёлой силы речи.
Он главным был.
И представлял в дни сечи
Парад, декор, двойное дно страны.
Витийствовал,
Кровавый глаз кося,
Светился, как фонарь над преисподней:
Без них — без нас —
Грядущему нельзя!
Без пр-р-ровокаций!
Дом горит сегодня!
Да. Верно. Дом отеческий горел,
Как и потом —
И двадцать лет и тридцать...
И вышло так,
Что взрослой детворе,
Уже клеймённой
На родном дворе,
Развалинами душ не исцелиться.
Мой крестный путь —
В пожар из-под огня.
Без этого нельзя понять меня.
Сорок второй. Нас жгут со скарбом всем.
Горят косички, ленточки матросок.

И по живым свинцовый хлещет посох —
Страшной приказа 227.
И тут я понял: если не осилю,
Конец.
Мундир — без правил. Лжив. Дыряв.
Пополз... За полумёртвую Россию
Держась руками в жёлтых волдырях.
По чьей-то крови,
По своей скользя.
И с той землёй
Мы больше, чем друзья...
Любовь, Отчизна,
Вождь — пустые звуки...
Для тех шепчу, кто чит
Мундир, Указ:
Я Родину свою
Найду без вас,
Душою, что болит, —
Как у солдата
Отнятые руки.
В окопы — с ней,
В забои и в застенки.
Жрал грунт окопный.
Полыхал и зяб.
Скипелись мы —
Как кладка древней стенки:
И подорвав,
Нас разделить нельзя.

57.

Речи без смысла —
Темень за дверью —
Не проповедуй.
Я не поверю:
В долгое счастье,
В краткое горе,
В малость ненастья,
В радости море.
То, что по свету
Ходится просто,
То, что поэты —
Братья и сёстры.
Пустоповерью
Я не поверю.
Не проповедуй
Кровь и победу.
Сносному аду,
Сладкому яду,
Властному зверю —
Как я поверю...
В мирные мины,
Доброй простуде,
В то, что безвинных
Нынче не судят.

58.

Не убежать, не защититься мне
От вечного заката на окне,
От алчности персон и персонажей,
От дотов, камер,
Моргов и светлиц,
От модных тканей,
Вытканых из сажы,
От маринада чувств,
От грима лиц,
От модных морд
И от безликих мод,
Отравленных лесов, полей и вод,
От униформ,
От вечных норм на корм,
От нюхающих газ слезоточивый,
От братьев пьющих,
От неизлечимо
И беспробудно трезвых
Дураков.

59.

Согрелся на стылом,
Ожёгся на миллом
Душою земною.
А что это было?
А с кем это было?
Со мною. Со мною.
Грядущее — клином.
Прошедшее — ливни
По пеплу разора.
И путь мой не длинный.
И плоть моя — глина.
И слёзы — озёра.
О доля, за что так?
В двенадцать окошек
Где дом мой лучистый?
Глухая толока.
И род мой подкошен
И вытопан. Чисто.
И слово — улика.
И немость — улика.
А в сердце доныне
На месте калитки
Росинка улыбки
На стеблях полыни.

60.

Рождённым в тридцатых

Родина моя, Родина,
Сколько нас в рабы отдано?
Сколько нас в бега брошено
В месиво войны, в крошево?
Сколько нас в полон вгажено?
В лагеря страны — заживо?
Сколько по земле беженцев?
Сколько от вина вешенцев?
Сломленных в мешках каменных?
Мёртвых и живых,
Маминых...
Молодость моя?
Эхо ли?
В разные края
Ехали:
В пухлые года,
В травы ли —
Всё туда,
Куда правили.
Горечи испив,
Стаяли.
Вьюги по степи —
Стаями.

61.

Стой... че-ло-век... —
Застыл я, не дыша:
Ржавь проволоки,
Вышки да берёзы.
Я камень сдвинул,
А под ним — душа,
Прильнул к травинкам —
Зазвенели слёзы.

62.

В. Громову

Слева — чаща. Леса.
А направо — обрыв.
А с небес — голоса,
Плачут души в надрыв:
О себе, о тебе,
Обо мне, обо всех —
Как по красному полю
Калиновый снег.
Лопнул свет-грозовей!
А за ним — темнота.
И распяло меня вертикалью плота.
Не видать ничего.
Я ослеп, что со мной?
Заливает глаза
Маслянистой волной.
Но устала река.
И вздохнула вода.
И великою тишью объяло года.
И пока я пытался понять — пронесло?
Поглядел, а в руках
Догорает весло.
Вниз по речке — закат.
Вверх — калина в цвету.
Без весла, без шеста
Я плыву на плоту.
А вода холодна-холодна!

И красна.
И на тысячу лет
Подо мной
Глубина.

Из книги «Судьбы моей поле», 1991

63.

Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоён.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце моё.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем — кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток —
Мурашки дождя.
И не знаю, зачем,
Но запомню:
Что-то слышно
В недалёней пальбе.
Что-то думают мокрые кони
О своей
И о нашей судьбе.

Начинается новая эра,
Отсекая дороги назад.
Я рождаюсь вот здесь,
В сорок первом,
Мёртвым сверстникам
Глядя в глаза.

64.

Здесь я в детстве летал!
И в нежнейшем
Ракитовом лепете
Есть мой радостный голос.
Так больше теперь не поют.
Злые силы меня превратили
В ослепшего лебедя
И пустили на волю,
Открыв заповедник — уют.
Крылья волю почуяли,
Если взлетали, вы знаете!
Небо, воля и крылья
И ветры манили меня.
Ведь глухие сердца
Не сумели лишить меня памяти —
Чем я жил и живу,
Буду жить до последнего дня.
Время жёлтых раки.
Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени —
Возвратилась душа моя к вам,
На последний поклон.

65.

Спасибо, жизнь,
За все дороги,
За скромный и глухой уют,
Пошли прозренья
Тем, немногим,
Что с чувством долга,
Предают.
Ведь штык и рукоять резная
И тела жгучая свеча —
В устах дознанья
И признанья
Всегда по-разному звучат.

66.

Теплей улыбка —
Больше в сердце холода.
Так исподволь
Ложится первый наст:
Вот рядом с нами,
Верящие молодо,
Глядят на нас
И повторяют нас.
Нет. Боли нет.
Невосполнимо пусто лишь.
Как добрым быть —
Сопротивляться злу?
Себя теряя,
Нищенства не чувствуешь.
Все разошлись
Задолго до разлук.

67.

Знаю, в хмурые дни
Тыходишь к окну.
Что скрывать —
Всем нам хмарь да окно.
Ты обманешь себя,
Я себя обману,
Но скажу:
Всё забыто давно.
Говоря, ты молчишь.
И смеяшь, ты молчишь.
Вряд ли только в тревожной судьбе
Голосами дождей,
Лунным светом в ночи
Мы сумеем сказать о себе.
Даже в лучшие дни
Тишиной заперты:
Всё скрываем, молчим да таим.
И лицо, и слова, и улыбка —
Не ты!
Только слёзы у сердца — твои.
Может быть, с той поры
В нас осталось добро —
Задышаться, страдая в тиши.
Мы с тобою —
Как старые
Письма на фронт...
Что в груди —
Не пиши.

68.

Люблю неразгаданность:
Таинство света
В окне.
В блуждающем сумраке —
Чуткую
Гриву дороги.
Не цель,
А тревогу,
Которой названия нет, —
Так видится узнику
Воля
В полночном остроге.
Душе, как звезде,
Как таинственному кораблю,
Отпущено точно:
Энергии,
Слабости,
Мощи.
Возможно, поэтому
Жизни боюсь, но — люблю!
С младенческим сердцем
Шагаю по свету — на ощупь.

69.

Иноходка моя,
Запропаженная,
Шёл, дорога, тобой — не пропал,
Непредсказанная,
Предугаданная,
Через долгие топи тропа,
И покоя мне нет,
И отчаянья нет:
Новый дом,
Задремученный двор,
И прошедшего тьма,
И грядущего свет
Меж собою
Ведут
Разговор.

70.

За речкой — за полем — за лесом
В краю добротворных чудес
Палили
Залётного
Беса.
Горит! И юродствует Бес.
Вздувается, трескаясь тело.
Гудит колокольно язык.
Толпа от кострища вспотела.
И в первой шеренге —
Тузы.
— Родимые! Русские люди! —
Кричал он, теряясь в огне. —
Жить слёпо
Страшней, чем во блюде!
Из пропасти выхода нет...
Нет, истинно, в пламени брода,
Коль в скудости
Душ алтари.
И знаменье
В толпы народа
Горящей десницей творил.
Летела по небу синица
И, вскрикнув, упала в костёр.
Лишь блики играли на лицах,
К которым он руки простёр.
А где-то,
У всхолмий бывшего
Умолк топоров перестук —

Гвоздями пригваздали Бога,
Живого,
Гвоздями ко кресту.
И смотрит,
Веками при деле,
Кто первым положит живот —
Живёт всепокорная челядь,
Меж ложью и правдой живёт.
Два берега —
Сыни и Пекла.
Плывём мы
По вечной Реке:
У девочки —
Горсточка пепла,
У мальчика —
Гвоздик в руке.

Из книги «Девяносто третий год», 1994

71.

Век гильотинный,
Липкий,
Век железный.
Прошу, молюсь
У пропастной межи:
Останови нас,
Господи,
Пред бездной,
До жатвы
До кровавой
Удержи!

72.

В семье единой

Глебу Сопину

Мне страшно: а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуясь
Белому полю,
Чтоб голос мой слышала мать:
«Мне холодно, мама,
Я стыну.
Мой голос звучит или нет?»
Торжественно. Людно. Пустынно.
Ни слова, ни звука в ответ.
Россия, родимая, стыну!
Метелит в бурьяне быльё.
И в снежную тонет пустыню
Прощальное
Слово моё.
Бессмысленно-медленно стыну.
И нет многолюдью конца.
Убитому
Жалуясь
Сыну
На участь
Живого отца.

73.

Молю живых

Нет слёз балтийских, русских, датских...
Одни они на целый свет.
Не трогайте могил солдатских.
Средь павших
Оккупантов нет.
Не оскорбляйте смертных дат,
Храните небо голубое.
Раскапывая прах солдат,
Живым готовят
Поле боя.

74.

Закон о земле

Хлеб мой
Сожгли на корню,
Дали —
Простор иван-чаю.
Я никого не виню.
Я ничего не прощаю:
Гроб словно красный челнок —
Снег на холодные веки.
Рядом я, рядом, сынок,
Нас развели не навеки.
Чтобы не делали мы —
Всё на погибель друг другу.
Пир низколобой чумы,
Бег по убойному кругу.
Где-то живым воздают,
Здесь же,
Где любят посмертно,
Грунт — наш последний приют,
В нём нас бессчётно-несметно.
В дикой стране одинок
Я! Но уже ненадолго —
Топит мой чёрный челнок
Жизни кровавая Волга.
Скоро дадут мне сажень.

Лягу без грусти,
Без боли.
Русское сердце — мишень.
Стрельбище — русское поле.

75.

Кипит снегами полынья.
Бьёт по лицу, по синей коже
Стоит над тундрой
Тень моя,
На сорок лет
Меня моложе.
Над белой бездной бытия —
Глаза, глаза...
Живых и бывших,
Читаю ли,
Молюсь ли я —
Прости, земля,
Меня убивших.

76.

Мужик

Недавно почестей просили,
Сегодня грабят! Вороньё...
Не говорите о России,
Трижды распявшие её.
Кровь полевая не остыла,
Непостижимо —
Не враги,
Извечные каптёры тыла
Опять сгибают в три дуги
Того, кто мыкал все напасти,
Чтоб самый смак,
Да самый шик,
Тебя,
Архангел серой масти,
Российский спившийся мужик!
Не от трудов душа сломалась —
От вечной лжи
Устал хребтом.
И если б выпрямился малость,
Стоял бы в уровень
С Христом.

77.

Т. П.

Не возвращайся,
Бога ради,
Не вспоминай мой крестный путь:
Давно сожжённые тетради —
Молитвы мёртвые забудь.
Поверь —
К исходу всё, к исходу! —
Уму и сердцу своему,
В мою тюремную свободу,
В твою
Свободную
Тюрьму.
Слепой толпы дурман,
Событий
Вихрь не коснулся нас ничуть.
Мы в жизни
Богом не забыты!
А суд общественный забудь.

78.

Церковь — словно погасший фонарь.
Не пойму — слышу звон или помню?
Не зови меня,
Новый звонарь,
На поруганную колокольню.
Нет веры былой.
Нет огня:
Много минуло,
Всё ль миновало?
Я тебя не спасу,
Ты — меня,
Как в нашествие ревтрибунала.
Зависть правит толпой и азарт,
Срам и страх с круговой порукой.
Не зови.
Не вернусь я назад.
Мёртвым звоном меня не аукай.

Из книги «Молитвы времени разлома», 2002

79.

Я —
Зыбкость сугробов,
Накат раскалённой волны.
Я — детская обувь
На мёртвых дорогах войны.
Я — стон измождённых
В застенках,
В рудничной пыли.
Я — вопль нерождённых
В раздавленном
Чреве
Земли.

80.

Миф

Всё спуталось:
Погоны, флаги,
Трезвон идей и бубенцов.
Мои распухшие фаланги
Трещат под обувью бойцов.
Жри, миф кровавый,
Что прикупишь!
Тебе, опричный,
Сквозь века
Показывает
Мёртвый кукиш
Моя замёрзшая рука.

81.

Неизбежность

Ты задай мне вопрос —
Не отвечу.
Задай его снова.
Может, вместе найдём,
Как с собой примирить
Это слово,
Превратиться в пыльцу...
Стать ничем
Под дождями, снегами.
Безразличное время
По лицам
Пройдёт сапогами.
Как осмыслить ничто:
Беззащитность,
Бесправье,
Безгласье...
И при жизни ещё
Отыскать
С неизбежным
Согласье.

82.

Мне тягостно и дико,
Что «самооговор» —
И правда,
И улика,
И смертный
Приговор.
Печальны вы
Иль рады,
Враги или друзья —
Не «выбивайте»
Правды.
Она у всех
Своя.

83.

А. Колосову

Если пусто впереди,
Нет вернее средства:
От себя не уходи,
Отправляйся в детство...
Вспомни юности дымок —
Нищету «на вырост»!
И поплачь,
Как прежде мог,
Ничего, что вырос.
Мы не братья, не семья,
И оставим это.
У другого для себя
Не проси совета!
Плачут радость и беда,
Смертные и боги.
Откровение всегда
У конца дороги.

84.

Приходят боли,
отступают позы
Друзья, борьба,
анафема и гимн.
Сжигают сердце
невидимки-слёзы
Не за себя —
от жалости к другим...
Желаю вам не маяться виною,
что я тюрьмою
и войной пропах.
Мой близкий —
одиночество земное
Со скепсисом улыбки
на губах.

Из книги «Свобода — тягостная ноша», 2002

85.

За всё, что выстрадал когда-то,
За всё, чего понять не мог,
Две тени —
Зека и солдата —
За мной шагают
Вдоль дорог.
После боёв
Святых и правых
Молитву позднюю творю:
Следы моих сапог кровавых
Видны —
Носками к алтарю.
Есть в запоздалом разговоре,
Есть смысл:
За каждый век и год,
Пока не выкричится в горе,
Пока не заплачется в горе,
Любя, душа не запоёт.

86.

Да, мне бывает очень безутешно.
Никак не оторвёмся от беды:
Грешим поспешно,
Каемся поспешно,
В своих умах
Не одолев вражды.
Звучит ещё трагическая нота
Идейной ярости и доброты —
Одни других зовут
Против кого-то,
Сколачивая кланы и гурты.
То нам мешает солнце,
То пороша,
То нет руки железной,
То семян...
Свобода —
Очень тягостная ноша
Для большинства
Казённых россиян.

87.

Шёл в коммуны паровоз,
Оказалось — мимо.
Утонул
В потоке
Слёз.
Ни огня, ни дыма...
Слышал я в стране разлук
Клятвы и проклятья:
Разлучался с криком звук,
Разлучался
С дедом внук,
Недруги и братья.
Где-то молодость была.
Жизнь навыворот пошла.
Веет
Пепел
Чести
На безлюдном месте.

88.

Ах, юность
Лёгкой тропкою
Блаженно не беги!
Любовь свою короткую
Отдашь ты за долги.
Бродяжье выживание
И труд, и тьма причин
Сжигают
Свет желания
У женщин и мужчин.
Глаза ещё не зимние,
Зовут немой мольбой:
Возьми меня!
Возьми меня.
Возьми
Меня...
С собой...

89.

«Времена не выбирают...»
Бог с тобою, простота.
Миллионы выгорают
Без звезды
И без креста.
Потому и вымираем,
Что погибель выбираем.

90.

Панихиды России
Гудят на басах.
Я всепамятно болен.
Плачет сердце моё
Высоко в небесах
Над пылающем полем!
Мы ещё — и уже
Через бездну шесток,
И прогресс, и отсталость.
Ни закат не прижился в душе,
Ни восток.
Мы — меж ними —
Усталость:
Ты один, я один,
Каждый смертный один!
Вместе пасынки века.
Я ищу тебя
Средь лиховёртных годин,
Где ты,
Сын
Человека?

91.

Однажды в августе,
В больнице
Я побывал в предсмертной мгле.
Когда-то это повторится —
Меня не станет на земле.
Как я прожил все годы эти?
Без политических горилл
Я сам себя на белом свете
Усердьем каторжным творил.
Поэт — глашатай высшей воли.
Всё, что вверялось лично мне,
Я говорил по доброй воле
Глухой,
Бесчувственной стране.

Стихи из самиздатских сборников

92.

Дом из невода

вариант первый

Строили большевики
Дом из невода.
Подрулили дураки —
Ехать некуда.
Злоба века, злоба дня
Кипячёная!
Межусобная грызня,
Доля чёрная:
Нам бы раненько пахать,
Ладить лодочку,
А мы — сабелькой махать,
Буздать водочку.
Тот — «колбасник»,
Этот — лях...
И у витязя
В перепоях и в боях
Разум выдохся:
«Продовольственная помощь»
Нашей немощи.
Днём — «Урра!»,
А слёзы — в полночь,
Сатанеючи...

Бронетанковоколонно —
Цвет России здесь!
Прогремели уголовно
И рассеялись.

вариант второй

Нам бы раненько пахать,
Ладить лодочку,
А мы — сабелькой махать,
Буздать водочку.
Злоба века, злоба дня
Кипячёная.
Межусобная грызня —
Дурость чёрная:
Тот — «колбасник», этот лях...
И у витязя
В перепоях и боях
Разум выдохся.
Днём — ура,
А слёзы в полночь —
Сатанеючи!
«Продовольственная помощь» —
В нашей немощи.
Бронетанковоколонно
Цвет России здесь!
Прогремели уголовно
И рассеялись.

1999

93.

Ищу друзей
На той войне.
Здесь мир не мой.
Страна другая.
Мне страшно, братцы,
Пусто мне.
Чужой я здесь
До содроганья.
Бегу — в огонь из-под огня.
Пить! Пить... хочу...
Красна водица!
И понимаю — для меня
Что умереть, что пробудиться.
Приснилось мне,
Что я живой.
Рассвет был мрачен и прохладен.
И ветер почты полевой
По голове меня погладил...
В каком году, в каком краю —
Приговорённо, безысходно
Средь павших без вести стою
Один,
Построенный повзводно.

94.

Сживают осенние стужи
Со света
Короткое лето.
Уехать куда-то и мне бы...
Но на кого я оставлю
Зрачки-лужи,
Глядящие остекленело
В холодное низкое небо
И окна,
Которые отпотели
И, не мигая,
Смотрят на маленьких яблочек
Мёрзлые гроздья,
На позёмки и метели,
Вьющие белые гнёзда
Под ветра протяжное эхо,
Теряющееся вдали.
Нет, мне никуда не уехать,
Никогда, никогда не уехать,
Потому что я к этой жизни,
Именно к этой жизни
Примёрз,
Как к дереву лист.

1973

95.

Свобода —
Что она, мой друг?
Когда идёшь по жизни молча,
Плеть формирует
Стайный дух,
Станичная культура волчья:
Советский пепел на кострах
Еще горячий!
А Россия
Уже внушает древний страх,
Живя предчувствием насилья.

96.

Дерзаем, строим,
Гробим разом.
Влачим проклятий котому.
В правах
Не восстановлен разум.
Наш путь – свидетельство тому.
Глядит Всевышний,
Брови хмуря.
Он знает –
Счастье не для нас.
Но пролетарской
Дикой дури –
Астрономический запас!
Живём-живём –
А жизни нету.
В злом милосердии своём
Идиотизма эстафету
В грядущий век передаём.

97.

Без обуви,
По насту похрустывая,
Прохожу без проторенной колеи.
Далеко, высоко —
Всюду, Русь ты моя:
Недолёты чужие?
Попаданья мои?
Весь наш путь —
Внутри круга.
Бетон — берега.
Видим в недруге друга,
А в друге — врага.
Явно — зло не простим.
Тайно — честь не простим,
Двоедушие личное
Скомкав в горсти:
Углубляемся в масть,
Расширяемся в масть,
Однозначно —
Стремясь выше смертных попасть.
Хором славу поём,
Оглядишься кругом —
Каждый рабье своё
Выжигает в другом.

98.

Не проклинаю этот свет
За неразборчивость деяний.
Мир будет до скончания лет
Творить себя без покаяний.
Встречая одинокий взгляд,
Прошу:
Беги от злобной жажды.
Все наши боли отболят.
Все слёзы высохнут однажды.
Гляжу в себя,
В былую даль,
И понимаю ближе к краю:
Мне человека в жизни жаль!
А человечества — не знаю...

99.

Кто сказал, что не чувствуют птицы?
Кто сказал,
Что не плачет трава?
И душа,
Перед тем как разбиться,
Высочайшей печалью жива:
К маяку, к тростнику у болотца,
К тополям, что выросли в хутора,
Ко всему, что ещё остаётся,
Ко всему, с чем прощаться пора...
Поглядишь на врага, как на брата!
Чую сердцем непрочную нить —
Как же так,
Уходить без возврата,
Как же так,
Чтоб не стать,
Чтоб не быть?
Тяжко, душно —
Вон месяц над чащей!
И молюсь на коленях, в пыли —
Будто мне
По ошибке дичайшей
Приговор
Безнадёжный
Прочли.

2000

100.

Последнее

Позывные мои —
Бесконечно благодарю!
Ты молитвы мои
Допусти к Твоему алтарю.
Обними —
Можно мысленно...
Не отторгай, что я делаю.
Подложи мне ладони
Под усталую голову белую.

Рисунок Михаила Копьёва, 2009.
Бумага, пастель, уголь, мел

Алфавитный указатель стихотворений

Алое 28

«Ах, юность лёгкой тропкою...» 113

«Без обувки по насту похрустывая...» 123

«Боль безъязыкой не была...» 66

Будто 18

«В гигантском котловане ночи — город...» 21

«В моих стихах осенний стылый шум...» 31

«В небе полоса из чего-то синего...» 45

«В пределе века замкнут я сейчас...» 39

В семье единой (посвящение Глебу Сопину) 96

«Век гильотинный, липкий...» 95

«Визг тормозов, лязги...» 40

«Внимание! Внимание!...» 23

«Вода, вода... гляжу в тебя...» 65

«Впадины, поляны, перелески — настезь...» 34

«Времена не выбирают...» 114

«Всё прозрачнее верб купола...» 72

«Говорила Алёнушка...» 14

Голубое 29

«Город — жёлтым пакетом в брикете...» 43

«Да, мне бывает очень безутешно...» 111
«Далёкий друг...» 37
«Дерзаем, строим, гробим разом...» 122
Дом из невода (вариант 1: «Строили большевики...») 117
Дом из невода (вариант 2: «Нам бы раненько пахать...») 118
«Думы...» 24
«Дым над осенью...» 85

«Если пусто впереди...» (посвящение А. Колосову) 108

«За всё, что выстрадал когда-то...» 110
«За речкой — за полем — за лесом...» 93
Закон о земле 98
«Здесь я в детстве летал!..» 87
«Знаю, в хмурые дни...» 90

«И будет дождь...» 73
«Иноходка моя, запропаженная...» 92
«Ищу друзей...» 119

«Как же получается, скажи...» 33
«Как невидимки, в тумане...» 44
«Капель роняют провода...» 62
«Кипит снегами полынья...» 100
«Кто сказал, что не чувствуют птицы?...» 125

Летит и не падает снег 50

Лось 70

«Люблю неразгаданность...» 91

«Люблю усталые улыбки...» 42

Метель 59

Миф 105

«Мне тягостно и дико...» 107

«Мне шёл одиннадцатый год...» 53

Молю живых 97

Мост 74

Мужик 101

Мундир и суть 76

«Не возвращайся, Бога ради...» (посвящение Т. П.) 102

«Не говори мне сложно...» 35

«Не заблудился я...» 69

«Не проклиная этот свет...» 124

«Не разлука страшна мне...» 49

«Не убежать, не защититься мне...» 79

Неизбежность 106

«Ни седоков, ни окриков погони...» 64

«Однажды в августе...» 116

Украина 51

«Октябрь. Воскресный день...» 71

«Панихиды России...» 115

«Перед снегом еще не упавшим...» 57

- «Подходит трамвай...» 47
Последнее 126
«Прикованные к фундаментам...» 41
«Приходят боли, отступают позы...» 109
«Прокричи мне, филин, ночью...» 58
- «Речи без смысла...» 78
Рождённым в тридцатых 81
- «Свобода — что она, мой друг?..» 121
Север 60
«Сегодня на небе...» 19
«Сживают осенние стужи...» 120
Синее 30
«Скажи мне, чёрная река...» 61
«Слева — чаща. Леса...» (посвящение В. Громову) 83
Смешная грусть 17
Смещение 75
«Снится Мишке...» 36
«Согрелся на стылом...» 80
«Спасибо, жизнь...» 88
«Стой... человек...» 82
«Станным желаньям в угоду...» 46
«Считаю вновь до десяти...» 32
- «Теплей улыбка...» 89
«Треплет ветер...» 27
- «Упадёт на сердце боль живая...» 25

Хлеб 54

«Церковь — словно погасший фонарь...» 103

«Шёл в коммуну паровоз...» 112

«Я — зыбкость сугробов...» 104

«Я безнадёжно опоздал...» 52

«Я как в пустыне караван...» 56

«Я лежу, глядя в стылое небо века...» 20

«Я не забыл...» 26

«Я пробиваюсь сквозь туман...» 48

«Я, наверное, сердцем ущербен...» 67

Библиография

Прижизненные издания

Все изданные книги являются сборниками, названия которым давались издателями при согласовании с автором.

1. Предвестный свет. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. – 54 с.
2. Смещение. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд., 1991. – 77 с.: ил.
3. Судьбы моей поле. – М.: Современник, 1991. – 95 с.
4. Девяносто третий год. – М.: Рекламная Библиотечка Поэзии, 1994. – 7 с.: ил.
5. Обугленные веком. – Вологда: СКОМиздат, 1995. – 238 с.
6. Молитвы времени разлома. Поэзии светлое ремесло... – Вологда: Евстолий, 2000. – 141 с.
7. Молитвы времени разлома. – Череповец: Метранпаж, 2002. – 246 с.: ил.
8. Свобода — тягостная ноша. – Вологда: Полиграфист, 2002. – 27 с.

Биографические

9. Пока живёшь, душа, люби... Стихи, проза / Михаил и Татьяна Сопины. – Б/м (США): Humanite for Chernobyl, Lulu, 2006. – 254 с.: ил.
10. Спелый дождь. Поэтическая биография. Сост., автор коммент. Т. П. Сопина. – Вологда: Полиграф-Книга, 2011. – 271 с.: ил.

Самиздатские сборники

Авторское название есть только у двух тетрадей: «Мишкин колодец» и «Меж берегов XX столетия». Их можно считать поэтическими книгами. Все остальные тетради названы вдовой поэта Т. П. Сопиной по титульному стихотворению.

Лагерные стихи (1955–70), но тетради (1967–70)

1. Из небыли: дневники. – 2007. – 36 с.
2. «Я тебе не писал...»: лагерный дневник, 1968. – 2005. – 72 с.
3. Меж берегов XX столетия: стихи: лагерный дневник 1969. – 2005. – 79 с.
4. Мишкин колодец: лагерный дневник 1969. – 2005. – 60 с.
5. Цвета времени: лагерный дневник, 1969. – 2006. – 56 с
6. Лицо святое светлое твоё. – 2005. – 48 с.
7. Лагерная переписка: Жду... твоя (1969–70). – 2005 // Обнимаю... твой (1968–69). – 2006.
8. На чёрных скалах бытия. Стихи 1966–1970. – 2007 – 44 с.

Пермь (1970–82)

1. Радуйся, человек. Стихи 1970–71. – 2005. – 36 с.
2. Музыка души – не пыль. Стихи 1970. – 2007 – с.
3. Сон освобождения. Стихи 1970–71. – 2007. – 52 с.
4. Листики на подошвах-1. Стихи 1971 / М. Сопин. – 2007. – 44 стр.
5. Листики на подошвах-2. Стихи 1971. – 2007. – 44 стр.
6. Лестница в воздухе. Стихи 1980-х. – 2005. – 28 с.

Переходный период (с этим приехал в Вологду)

7. Перед снегом, ещё не упавшим. Стихи 1970–71. – 2005. – 64 с. Основа кн. «Предвестный свет».

Вологда 1980-е (самиздата мало, стали печатать)

1. Сомкнутые звенья. Стихи осени 1985. – 2005. – 31 с.
2. Переписка (1983–91): В. П. Астафьев, В. В. Кожинов, М. Н. Сопин, Р. В. Комина, В. Лапшин. – 2005. – 36 с.
3. Вертикаль. Стихи 1984. – 2006. – 27 с.
4. Игра в пустой зал. Стихи конец 1980-х, начало 1990. – 2006. – 36 с.

Вологда 1990-е (печатать перестали)

1. Агония триумфа: поэма 1991. – 2005. – 31 с.
2. Смещение. Сборник 1991 в авторская редакция 2002–2003.
3. Сумрак. Стихи 1996. – 2006. – 52 с.
4. Листопадит-хороводит. Стихи 1997. – 2006. – 64 с.
5. Без права на защиту. Стихи 1998. – 2006. – 48 с.
6. Союз креста и беспредела. Стихи 1999. – 2006. – 52 с.
7. Косохмурь. Стихи 1999. – 2006. – 64 с.
8. Крест. Стихи конца 1990-х. – 2006. – 36 с.

Вологда 2000-е (печатается в интернете)

1. В мире хрупкой тишины. Стихи 2000. – 2006. – 36 с.
2. Смайлики века. Стихи 2002. – 2006. – 44 с.
3. Обугленные веком. Переработка изданной книги 1995. – 2005.
4. Пока не сомкнут круг. Дневник в стихах 2003–04. – 2006. – 44 с.
5. Красный блокнот. Стихи, мысли 2000-х. – 2015.

Разных лет

1. Мальчишка-воин. Очерк Петра и Татьяны Сопиных с военными стихами МС. – 2005. – 59 с.

2. Кобылица. – 2006. – 40 с.
3. Миф. – 2006. – 56 с.
4. От Бога волен. – 2006. – 56 с.
5. Песни и романсы. – 2006.
6. Вмерзая памятью. Мысли. Афоризмы. Краткостишия. – ВОУНБ, 2015. – 84 с.
7. Снега и синицы. Песни и романсы. – ИП Киселёва А.В., 2018. – 167 с.

Содержание

Предисловие Татьяны Ковальковой	5
---------------------------------------	---

Из лагерных тетрадей, 1968–69

1. «Говорила Алёнушка...»	16
2. Смешная грусть	17
3. Будто	18
4. «Сегодня на небе...»	19
5. «Я лежу, глядя в стылое небо века...»	20
6. «В гигантском котловане ночи — город...»	21
7. «Внимание! Внимание!»	23
8. «Думы...»	24
9. «Упадёт на сердце боль живая...»	25
10. «Я не забыл...»	26
11. «Треплет ветер...»	27
12. Алое	28
13. Голубое	29
14. Синие	30
15. «В моих стихах осенний стылый шум...»	31
16. «Считаю вновь до десяти...»	32
17. «Как же получается, скажи...»	33
18. «Впадины, поляны, перелески — настезь...»	34
19. «Не говори мне сложно...»	35

20. «Снится Мишке...»	36
21. «Далёкий друг...»	37

Пермь 1970–1982

22. «В пределе века замкнут я сейчас...»	39
23. «Визг тормозов, лязги...»	40
24. «Прикованные к фундаментам...»	41
25. «Люблю усталые улыбки...»	42
26. «Город – жёлтым пакетом в брикете...»	43
27. «Как невидимки, в тумане...»	44
28. «В небе полоса из чего-то синего...»	45
29. «Станным желаньям в угоду...»	46
30. «Подходит трамвай...»	47
31. «Я пробиваюсь сквозь туман...»	48
32. «Не разлука страшна мне...»	49
33. Летит и не падает снег	50
34. Окраина	51
35. «Я безнадёжно опоздал...»	52
36. «Мне шёл одиннадцатый год...»	53
37. Хлеб	54
38. «Я как в пустыне караван...»	56

Из книги «Перед снегом, ещё не упавшим», 1981

39. «Перед снегом, ещё не упавшим...»	57
40. «Прокричи мне, филин, ночью...»	58
41. Метель	59
42. Север	60

43. «Скажи мне, чёрная река...»	61
44. «Капель роняют провода...»	62

Вологда 1983–2004

Из книги «Предвестный свет», 1985

45. «Ни седоков, ни окриков погони...»	64
46. «Вода, вода... гляжу в тебя...»	65
47. «Боль безъязыкой не была...»	66
48. «Я, наверное, сердцем ущербен...»	67
49. «Не заблудился я...»	69
50. Лось	70
51. «Октябрь. Воскресный день...»	71
52. «Всё прозрачнее верб купола...»	72
53. «И будет дождь...»	73

Из книги «Смещение», 1991

54. Мост	74
55. Смещение	75
56. Мундир и суть	76
57. «Речи без смысла...»	78
58. «Не убежать, не защититься мне...»	79
59. «Согрелся на стылом...»	80
60. Рождённым в тридцатых	81
61. «Стой... че-ло-век...»	82
62. «Слева — чаща. Леса...»	83

Из книги «Судьбы моей поле», 1991

63. «Дым над осенью...»	85
-------------------------------	----

64. «Здесь я в детстве летал!..»	87
65. «Спасибо, жизнь...»	88
66. «Теплей улыбка...»	89
67. «Знаю, в хмурые дни...»	90
68. «Люблю неразгаданность...»	91
69. «Иноходка моя, запропаженная...»	92
70. «За речкой — за полем — за лесом...»	93

Из книги «Девяносто третий год», 1994

71. «Век гильотинный, липкий...»	95
72. В семье единой	96
73. Молю живых	97
74. Закон о земле	98
75. «Кипит снегами полынья...»	100
76. Мужик	101
77. «Не возвращайся, Бога ради...»	102
78. «Церковь — словно погасший фонарь...»	103

Из книги «Молитвы времени разлома», 2000

79. «Я — зыбкость сугробов...»	104
80. Миф	105
81. Неизбежность	106
82. «Мне тягостно и дико...»	107
83. «Если пусто впереди...»	108
84. «Приходят боли, отступают позы...»	109

Из книги «Свобода — тягостная ноша», 2002

85. «За всё, что выстрадал когда-то...»	110
86. «Да, мне бывает очень безутешно...»	111
87. «Шёл в коммуны паровоз...»	112

88. «Ах, юность лёгкой тропкою...»	113
89. «Времена не выбирают...»	114
90. «Панихиды России...»	115
91. «Однажды в августе...»	116

Стихи из самиздатовских сборников

92. Дом из невода (с вариантами)	117
93. «Ищу друзей на той войне...»	119
94. «Сживают осенние стужи...»	120
95. «Свобода — что она, мой друг?..»	121
96. «Держаем, строим, гробим разом...»	122
97. «Без обуви по насту похрустывая...»	123
98. «Не проклиная этот свет...»	124
99. «Кто сказал, что не чувствуют птицы?..»	125
100. Последнее	126

Алфавитный указатель стихотворений	129
--	-----

Библиография	134
--------------------	-----

Сопин Михаил Николаевич

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ

1968–2004

поэтический сборник

Редактор Т. И. Ковалькова

Дизайн: Д. Д. Ивашинцов

Оригинал-макет: Н. Л. Балицкая

Издатель: Д. А. Ивашинцов

www.russculture.ru

russculture@yandex.ru

Подписано в печать 29.03.2019 г.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,3.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 3036

Отпечатано:

«Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

по издательскому оригинал-макету.

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

тел. 8(499)270-73-59

Исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	16 св.	взглянуть	взглянуть
4	20 св.	знал его, как поэта-трибуна	знал его как поэта-трибуна
5	2 св.	Это книга	Эта книга
5	9 св.	Росии	России
8	5 св.	шантропы	шантрапы
12	12 св.	Однако вряд ли,	Однако вряд ли
12	13 св.	из несколько сотен),	из несколько сотен)
12	11 сн.	как у Солженицина	как у Солженицына
13	9 св.	в этих стихам	в этих стихах
13	2 сн.	классиче~ского	классичес~кого
14	3 св.	ибо т.е осуществимой.	ибо неосуществимой

«Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я однажды не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанной на милосердие, от обнаженной общественной дикости. Мы входили в мир без идеологических шор и уходим из жизни без политических иллюзий. Именно это укрепляет меня в убежденности: рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет человеческий облик».

Из авторского предисловия к книге
«Молитвы времени разлома».

Рисунок Михаила Копьева,
2000 г.